ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе

общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 3 Четвергъ, 20 января (1 февраля) 1900 г. № 3

Наша тюремная гигіена въ романѣ гр. Л. Н. Толстого «Воскресеніе».

Романъ „Воскресеніе“ — художественное произведеніе, исполненное высшей правды и красоты... да, и красоты, несмотря на потрясающій реализмъ всѣхъ перипетій великой драмы, которая составляетъ содержаніе его. Чему же мы, гигіенисты, можемъ поучиться у гр. Толстого? Очень многому, ближайшимъ же образомъ для насъ впервые выступаютъ чудовищные недостатки нашей тюремной санитаріи и гигіены, чудовищные какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ; если намъ замѣтятъ, что вопросы нравственные насъ не должны касаться, то мы съ этимъ никоимъ образомъ не согласимся, потому что гигіена тѣла неотдѣлима отъ гигіены души: строжайшее соблюденіе всѣхъ гигіеническихъ предписаній не дастъ здоровья человѣку, если его психика ненормальна.

Но къ дѣлу!

1) Главною, рѣзко бросающеюся въ глаза, въ особенности благодаря безподобному описанію гр. Л. Н. Толстого, аномаліею въ современной пенитенціарной системѣ является *огульность*, т. е. почти полное отсутствіе сортировки арестованныхъ. Правда, ихъ подраздѣляютъ на обще-уголовныхъ и „политическихъ“, а первыхъ, въ свою очередь, на каторжныхъ и не-каторжныхъ; но не такая сортировка нужна, и не о ней мы говоримъ. Нужна сортировка личностей, сортировка человѣческихъ душъ, необходимость которой столь наглядно выступаетъ изъ мастерскаго описанія типовъ арестованныхъ въ романѣ „Воскресеніе“. Сравните несчастнаго юношу съ нѣжной организаціей, съ благородными и красивыми чертами лица, умирающаго отъ удара, отъ жары, въ кандалахъ, цѣпяхъ, съ полуобритой головой, съ тѣмъ каторжнымъ, который, гремя цѣпями, набрасывается на Маслову, какъ звѣрь, и обнимаетъ ее. Быть можетъ, первый изъ нихъ совершилъ преступленіе при такихъ условіяхъ, при какихъ совершилъ бы его любой блюститель правосудія. А между тѣмъ, съ точки зрѣнія современной пенитенціарной системы, онъ такой же „каторжный“, какъ и второй, являющійся несомнѣнно „ломброзовскимъ типомъ“. Ясно, что если гуманный законодатель, уничтожившій смертную казнь и тѣлесное наказаніе (кромѣ кандаловъ), имѣлъ въ виду не лишать людей жизни, то онъ упустилъ изъ виду, что условія каторжной и тюремной жизни, будучи болѣе или менѣе тяжелыми для однихъ, могутъ оказаться невыносимыми для другихъ; слѣдовательно, заставляя слабые организмы погибать отъ невыносимыхъ для нихъ условій, мы изобрѣли лишь особую форму казни, притомъ довольно квалифицированную и едва-ли болѣе гуманную, чѣмъ—гильотина.

Кому неизвѣстно, что главнымъ недостаткомъ современной *школьной* системы является—та же огульность. Учитель, имѣющій дѣло съ 40 учащимися въ клас-

Народное гулянье въ Михайловскомъ манежѣ, въ С.-Петербургѣ.

Оригинальный рисунокъ К. О. Брожа, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

сѣ, ко всѣмъ вѣдь примѣняетъ одни и тѣ же пріемы обученія, обусловленные отнюдь не личными особенностями учащихся, а личными особенностями его учителя. Бываютъ учителя строгіе — и они строги со всѣми учащимися одинаково; бываютъ учителя язвительные – и они язвительны со всѣми учащимися, не разбирая, какъ дѣйствуетъ иронія на психику того или другого изъ нихъ; бываютъ учителя-крикуны, но въ сущности добрые,—и они кричатъ на всѣхъ и всегда, оставаясь „въ сущности добрыми“. Скажутъ: да иначе и быть не можетъ; не можетъ же учитель, дающій 30 часовыхъ уроковъ въ недѣлю, залѣзать въ душу всѣхъ своихъ учениковъ. Конечно, не можетъ,—скажемъ мы; но вѣдь это потому, что вся система школьнаго обученія совершенно неправильна. Отсутствіе индивидуализаціи является главною причиною того, что современная школа не имѣетъ абсолютно никакого воспитательнаго значенія, тогда какъ, напримѣръ, современная армія имѣетъ таковое, благодаря тому, что на 10—12 рядовыхъ приходится 1 унтеръ-офицеръ (въ германской арміи 1 на 5 рядовыхъ).

Для выясненія понятія объ огульности мы приведемъ еще одинъ примѣръ: наши дома для душевнобольныхъ. И здѣсь главною причиною неуспѣшности леченія является отсутствіе индивидуализаціи. Подраздѣленіе больныхъ на буйныхъ и смирныхъ, на безнадежныхъ и подающихъ надежду, на маніаковъ, психопатовъ, истеричныхъ и т. д. — крайне недостаточно; это то же, что подраздѣленіе учащихся на лѣнивыхъ и прилежныхъ, способныхъ и неспособныхъ, благонравныхъ и шалуновъ. Для насъ эти квалификаціи являются пустыми звуками, ровно ничего не опредѣляющими. Сказать про душевнобольного: у него--манія величія и запереть его вмѣстѣ съ другими маніаками всякаго рода—значитъ примѣнить къ нему огульное пользованіе, отъ котораго душевнобольной зачастую не только не оправляется, но, напротивъ, становится „безнадежнымъ“. Наша психика—сложная вещь и ни подъ какіе трафареты не подходитъ. Мы можемъ пояснить это примѣромъ, намъ хорошо извѣстнымъ. Женщина, 30 лѣтъ, истеричная, съ явными зачатками истерическаго помѣшательства; домашняя жизнь становится невозможной; припадки принимаютъ характеръ изступленія; въ гнѣвѣ хватается она за ножъ или ножницы. Несчастный мужъ не знаетъ, какъ быть; остается позвать полицейскаго врача, который, конечно, сейчасъ-же распорядится... А тамъ—попавъ въ среду душевнобольныхъ всякаго рода, вырванная изъ семьи, женщина эта скоро перейдетъ въ разрядъ безнадежныхъ. Мы вмѣшались въ это дѣло и дали мужу слѣдующій совѣтъ: изъ всего того, что намъ извѣстно объ истеріи, вытекаетъ съ очевидностью, что эта болѣзнь функціональная, а не органическая, и никакой связи со страданіями женской половой сферы не имѣетъ, такъ какъ бываютъ истеричные мужчины, хотя все, что возбуждаетъ нервную систему, несомнѣнно усиливаетъ болѣзненное состояніе; поэтому единственно надежнымъ способомъ исцѣленія истеричной является душевное спокойствіе и половое воздержаніе; послѣднее достижимо легко, но и первое не представляетъ никакихъ трудностей при небольшомъ самоотверженіи со стороны окружающихъ: никогда не спорить съ больною, никогда не противорѣчить, не возражать, но при томъ такъ, чтобы она не замѣчала притворства. Совѣтъ этотъ былъ принятъ къ свѣдѣнію и строго исполненъ. Въ два мѣсяца всѣ припадки исчезли безслѣдно; въ настоящее время эта особа отличается лишь нѣсколько повышенною, противъ нормы, нервозностью, но и та видимо исчезаетъ; окружающіе же уже давно обращаются съ нею, какъ съ совершенно здоровою.

Тѣ пять-шесть категорій арестованныхъ, на которыя указываетъ гр. Толстой, безспорно существуютъ; но ихъ, по всей вѣроятности, еще гораздо больше, такъ какъ, повторяемъ, сложна человѣческая психика. Изъ числа этихъ категорій, категорія „ломброзовская“, т. е. homo delinquens (преступный человѣкъ) Ломброзо составляетъ самый малый процентъ. Итальянскій врачъ Ломброзо своей теоріей о существованіи особой породы, особаго вида—„преступный человѣкъ“—натворилъ много зла. Д-ръ Ломброзо—изслѣдователь умный, даровитый, но черствый и односторонній. Не слѣдуетъ забывать, что онъ производилъ свои наблюденія въ итальянскихъ тюрьмахъ; а въ Италіи едва-ли одна десятая часть совершаемыхъ, даже тяжкихъ, преступленій доходитъ до суда; воровство тамъ ни по чемъ, а пырнуть въ припадкѣ гнѣва или ревности сосѣда ножемъ въ бокъ, это—пустое дѣло: никто не выдастъ, даже родня убитаго, изъ боязни подвергнуться той же участи; рѣдкая попойка въ Италіи обходится безъ пырка. Кромѣ того, такія преступленія, какъ бродяжество, безпаспортность, блудъ,—вовсе не наказуются, да они и не считаются преступленіями. Слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію, что, въ большинствѣ случаевъ, въ итальянскія тюрьмы, дѣйствительно, попадаютъ выродки, звѣроподобные люди, а огромное множество такихъ, которые, хотя бы по нашимъ законамъ, непремѣнно попали бы въ тюрьму, осталось совершенно неизслѣдованнымъ д-ромъ Ломброзо. Въ своемъ увлеченіи (вѣрнѣе—ослѣпленіи) онъ дошелъ до того, что причислилъ Пушкина и Лермонтова къ виду homo delinquens, перваго—за его лицейскую шалость „Первая ночь“, второго—за его юнкерскую шалость „Петергофскій праздникъ“. Вотъ уже, поистинѣ, крыловская „свинья“, „которая на барскій дворъ забралась“.

Ученіе Ломброзо въ наукѣ уголовнаго права не заняло виднаго мѣста: съ нимъ считаются, его цитируютъ, но и только. Никакого переворота онъ въ теоріи права не произвелъ; но зато на практикѣ за него ухватились. Судьямъ и всякимъ обвинителямъ, по обязанностямъ службы, оно пришлось очень по душѣ. Еще-бы! Словно повязка съ глазъ долой. Homo delinquens,—отъ природы преступникъ, продуктъ вырожденія, особая порода. Не нужно рыться ни въ душѣ, въ прошломъ, ни въ „несчастной пятницѣ“ (т. е. средѣ), ни въ психозахъ, ни въ соціальныхъ условіяхъ. Homo delinquens—и все тутъ. Достаточно „съ дѣломъ ознакомиться“ во время засѣданія суда. Но такъ какъ тюрьма есть начало и продолженіе современной юрисдикціи, то ясно, что и тюремные порядки находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ того, какъ судебная магистратура смотритъ на преступника.

Лѣтъ 35 тому назадъ, другой великій писатель и великій человѣкъ въ еще болѣе ужасающихъ и яркихъ краскахъ изобразилъ картину огульнаго отношенія человѣческаго правосудія къ личности преступника. Это былъ Викторъ Гюго. Въ своемъ безсмертномъ произведеніи „Les misérables“ (Отверженцы) онъ сопоставилъ типы профессіональныхъ разбойниковъ, т. е. звѣроподобныхъ людей, каковы Тенардье, Клаксу, Гельмеръ, Монпарнасъ и др., съ доблестною, праведною личностью Жана Вальжана, который тоже совершилъ въ молодости преступленіе (кража хлѣбца со взломомъ), за которое, по либеральному кодексу Наполеона, полагалась каторга (галеры). Изъ озлобленнаго, звѣроподобнаго каторжника—Жанъ Вальжанъ, преображенный сіяніемъ любви, проявленной къ нему епископомъ Миріелемъ, сумѣвшимъ отыскать во мракѣ души этого человѣка тлѣющую искру добра, становится добродѣтельнымъ, любвеобильнымъ, самоотверженнымъ и добрымъ, въ высшемъ значеніи этого слова, т. е. ищущимъ только добра и желающимъ всѣмъ людямъ, безъ исключенія, только добра. Но увы!—для полицейскаго агента Жавера (тоже звѣроподобный типъ) онъ—каторжникъ, при томъ бѣглый каторжникъ, и этотъ человѣкъ травитъ Жана Вальжана съ злобностью борзой. Однако, даже и этотъ страшный человѣкъ оказывается побѣжденнымъ безграничною любовью, которою проникнута душа Жана Вальжана, и, не будучи въ силахъ вынести на себѣ это страшное сіяніе, онъ кончаетъ свою отлично-усердную и полезную службу самоубійствомъ. Туда и дорога!

Современные Жаверы—немногимъ гуманнѣе. Для нихъ существуетъ „классъ“ преступниковъ, отъ которыхъ общество должно быть всячески ограждаемо не столько путемъ предупрежденія и пресѣченія, сколько путемъ возмездія (оно и проще). Для нихъ существуютъ воры, поджигатели, убійцы и т. д., но не существуетъ людей, т. е. они въ нихъ усматриваютъ не людей, а нумера преступниковъ той или иной категоріи. А между тѣмъ, въ каждой изъ этихъ категорій имѣются совершенно различные типы, начиная отъ звѣроподобныхъ и кончая безусловно добродѣтельными. То же и въ категоріи политическихъ. Никому не придетъ въ голову поставить на одну доску „политическаго“ Симонсона (который женится на Масловой) съ „политическими“—Рысаковымъ, Луиджи Лукени, Казеріо, Равашолемъ и Эмилемъ Анри. На это намъ замѣтятъ, что и наказанія, которымъ они подлежатъ, весьма различны. Не всегда, да и не въ наказаніи дѣло, а въ отношеніи къ человѣческой личности. Современная наша тюрьма есть страшное гнѣздилище тѣлесной и душевной порчи, именно въ силу огульности. Разрушая здоровье арестованныхъ невозможными гигіеническими условіями, она въ то же время является причиной нравственной порчи огромнаго множества людей, которые въ ней озлобляются и, будучи отъ природы отнюдь не злыми и не порочными, становятся нерѣдко звѣроподобными. Въ настоящее время петербургскіе мировые судьи оправдываютъ почти всѣхъ обвиняющихся въ кражѣ, если нѣтъ поличнаго, несмотря на множество косвенныхъ уликъ; и хорошо дѣлаютъ: посадить человѣка въ нашу тюрьму—значитъ погубить его, а не исправить. Введеніе обязательныхъ работъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ очень мало измѣняетъ общую печальную картину.

Было время, когда и въ больницахъ валили всѣхъ въ одну кучу, и больной, страдающій какой-нибудь невинной и излечимой болѣзнью, ни за что, ни про что заражался болѣзнью смертельною въ самой больницѣ. Вотъ почему, народъ и въ настоящее время съ такимъ недовѣріемъ и страхомъ относится къ больницѣ, хотя современная больница ничего общаго не имѣетъ съ „дореформенною“. Но если возможна сортировка недуговъ тѣлесныхъ, то почему же невозможна сортировка недуговъ нравственныхъ? Вся современная юрисдикція и неразрывно связанная съ нею пенитенціарная система приноровлены къ звѣроподобнымъ людямъ, но не къ людямъ, ставшимъ порочными и преступными въ силу независящихъ отъ нихъ обстоятельствъ и, въ глубинѣ души, невинныхъ и добрыхъ.

2) Кандалы, которые по закону должны быть вѣсомъ не менѣе 4½ фунтовъ, являются совершенно ненужнымъ мучительствомъ осужденныхъ на каторгу мужчинъ. Отъ побѣговъ они не предохраняютъ; для звѣроподобныхъ они ни по чемъ, но для большинства несчастныхъ отверженцевъ они являются тяжелымъ мученіемъ. Если скажутъ, что вѣдь нужно-же какое-нибудь

различіе въ наказаніи тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ отъ нетяжкихъ, то замѣтимъ слѣдующее: строгость наказанія не уменьшаетъ числа преступленій. Степень преступности народа находится въ обратномъ отношеніи къ степени его просвѣщенія, и благосостоянія. Жестокость наказанія не играетъ ни малѣйшей роли. Когда въ 30-хъ годахъ въ государственномъ совѣтѣ обсуждался проектъ замѣны наказанія кнутомъ (квалифицированная смертная казнь) наказаніемъ плетьми, то тогдашній министръ юстиціи выразилъ опасеніе, что подобное послабленіе поведетъ къ усиленію преступности въ народѣ. Опасеніе это, однако, не оправдалось: въ Россіи, какъ и во всѣхъ другихъ культурныхъ государствахъ, преступность уменьшается съ каждымъ годомъ, въ зависимости отъ прогресса умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго. Заковываніе людей—совершенно безполезное мучительство, а бритье полуголовы—совершенно безполезное приниженіе человѣческой личности, и безъ того достаточно приниженной. Эти остатки средневѣковщины, не допускавшей даже мысли, чтобы человѣкъ, совершившій преступленіе, оставался съ „цѣльной кожей и неповрежденнымъ тѣломъ". Съ гигіенической точки зрѣнія, постоянное ношеніе на тѣлѣ кандаловъ, т. е. посторонней тяжести, вѣсомъ въ 4—5 фунтовъ, является аномаліей, которая съ теченіемъ времени не можетъ не отразиться гибельно на организмѣ, сколько-нибудь воспріимчивомъ.

3) Но кандалы—ничто въ сравненіи съ другими перлами арестантской гигіены. Когда читаешь въ романѣ „Воскресеніе" описаніе этихъ сырыхъ и затхлыхъ камеръ, почти совершенно лишенныхъ солнечнаго свѣта и наполненныхъ не воздухомъ, но смрадомъ, происходящимъ отъ грязи, человѣческихъ испареній и изверженій (парашка—см. ниже), и къ тому-же биткомъ набитыхъ арестантами, то просто недоумѣваешь: что это за желѣзныя натуры, которыя выдерживаютъ многолѣтнее пребываніе въ этой геенне? На полу, въ смрадныхъ и темныхъ коридорахъ тюрьмы, валяются ночью спящіе арестанты, при чемъ тѣснота доходитъ до того, что нужно ступать съ особою осторожностью, чтобы не наступить на кого-нибудь. Въ камерахъ этапныхъ и каторжныхъ тюремъ то-же самое: полнѣйшее игнорированіе элементарнѣйшихъ требованій гигіены, то же переполненіе, то же отсутствіе вентиляціи и тотъ же недостатокъ свѣта и воздуха. Наука уголовнаго права давно уже перестала смотрѣть на наказаніе, какъ на возмездіе; ея взглядъ совершенно опредѣленный: наказаніе есть устраненіе изъ общества опасныхъ для него членовъ. Очень грустно, что этотъ взглядъ столь мало осуществляется на практикѣ. Наказывать людей сыростью, вонью и тьмою столь же безчеловѣчно, какъ наказывать ихъ пытками и плетьми. Прямыя наблюденія, произведенныя врачами, показали, что современныя тюрьмы являются распространителями заразныхъ болѣзней, въ особенности чахотки. Что мудренаго? Недостатокъ воздуха и свѣта, грязь, сырость и зловредныя примѣси воздуха—наилучшая среда для болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ и наихудшая для тѣхъ микроорганизмовъ, которые называются людьми. Что именно чахотка является наиболѣе распространенною изъ заразныхъ тюремныхъ болѣзней, объясняется очень просто: въ развитіи чахотки ненормальная психика играетъ несравненно большую роль, чѣмъ въ развитіи всѣхъ другихъ заразныхъ заболѣваній. Горе, отчаянье, озлобленіе, тоска, гложущая сердце,—все это такія психическія состоянія, которыя могутъ создать почву для туберкулезныхъ бациллъ даже въ организмѣ, находящемся въ обстановкѣ, вполнѣ гигіеничной. Ясно, что пребываніе въ тюремной гнили можетъ только усилить значеніе этихъ факторовъ, арестантовъ-же со спокойной психикой совсѣмъ не существуетъ.

4) Перломъ тюремной антисанитаріи и антигигіены является знаменитая „парашка", поднесь еще благополучно здравствующая въ каторжныхъ тюрьмахъ. По описанію гр. Толстого, она фигурируетъ и въ обыкновенной тюрьмѣ провинціальнаго типа, т. е. смѣшанной: для отбыванія наказанія и пересыльной. Насколько намъ извѣстно, въ новыхъ тюрьмахъ, представляющихъ собою „послѣднее слово цивилизаціи" (выраженіе полицейскаго инспектора Жавера въ романѣ „Отверженцы" Виктора Гюго), парашки уже нѣтъ. Парашка—это огромный чанъ, наполовину наполненный водой; чанъ этотъ ставится на ночь въ общую камеру арестантовъ и служитъ для ихъ изверженій, какъ жидкихъ, такъ и твердыхъ. Нетрудно представить себѣ, какой подъ-утро воздухъ въ такой камерѣ! Читая описаніе гр. Толстого, уже при одномъ чтеніи приходится носъ затыкать. Дѣйствительно, что же можетъ быть мерзѣе и зловреднѣе того, по-истинѣ, сосуда дьявольскаго, который называется парашкой? Человѣческое тѣло ночью, въ особенности, нуждается въ чистомъ воздухѣ, потому что ночью, преимущественно, совершается возстановленіе тѣлесныхъ тратъ, понесенныхъ организмомъ за день. Пропитываніе арестантскихъ камеръ по ночамъ амміакомъ, сѣроводородомъ и другими гнилостными газами равносильно систематическому отравленію арестованныхъ, слѣдовательно, также является квалифицированною смертною казнью.

Нельзя безъ скорби и содроганія читать описаніе гибели двухъ арестантовъ отъ жары, въ романѣ „Воскресеніе". Медицинѣ извѣстны два рода опасныхъ припадковъ, почти всегда смертельныхъ, обусловливаемыхъ исключительно перегрѣваніемъ крови; это—солнечный ударъ и ударъ отъ жары. Солнечный ударъ—припадокъ, наблюдаемый преимущественно въ жаркихъ странахъ, гдѣ отвѣсные лучи солнца обладаютъ особою жгучестью; припадокъ этотъ сильно напоминаетъ апоплексію, такъ какъ обусловливается перегрѣваніемъ крови, циркулирующей въ головномъ мозгѣ; отъ него можно сберечься зонтикомъ или бѣлой шапкой. Ударъ отъ жары—нѣчто совершенно иное: онъ зависитъ отъ недостатка воздуха при высокой температурѣ; слѣдовательно, онъ можетъ приключиться и въ комнатѣ, жарко натопленной и не вентилируемой, или переполненной множествомъ людей, и на улицѣ, въ тѣсной толпѣ, и въ жаркую погоду. Два арестанта въ романѣ „Воскресеніе" умираютъ именно отъ удара отъ жары. Описаніе ихъ смерти ужасающе-вѣрное.

Изъ всего изложеннаго съ очевидностью вытекаетъ, что тюрьма, въ томъ видѣ, какъ она изображена въ романѣ „Воскресеніе", другими словами—современная русская типичная тюрьма, представляетъ собою нѣчто безусловно антигигіеничное. Она нуждается въ радикальной реформѣ, въ основу которой должно лечь раціонально-гуманное отношеніе къ преступному человѣку, являющемуся чадомъ нашихъ-же собственныхъ грѣховъ. А что дѣлать съ звѣроподобными выродками? На это мы отвѣтимъ словами Виктора Гюго: „Разсѣйте мракъ, въ который погружены низшіе слои населенія, и летучія мыши исчезнутъ сами собой".

Владиміръ Вольфсонъ.

Народное гулянье въ Михайловскомъ манежѣ, въ С.-Петербургѣ.

Со введеніемъ въ Петербургѣ винной монополіи начало функціонировать С.-Петербургское попечительство о народной трезвости, во главѣ котораго стоитъ его высочество принцъ Ольденбургскій.

И зимою, и лѣтомъ попечительство устраиваетъ для народа различныя увеселенія, не только заполняющія праздничный досугъ, отдававшійся прежде всецѣло кабаку и трактиру, но и развивающія посѣтителей. Минувшимъ лѣтомъ, въ Таврическомъ саду, въ спеціально выстроенномъ театрѣ, народъ за дешевую плату знакомился даже съ оперными произведеніями.

Нечего и говорить, что русскій элементъ преобладаетъ въ пьесахъ. Видное мѣсто отводится, конечно, величайшему нашему поэту Пушкину. Посѣтители слышали и „Барышню-крестьянку"—оперу, написанную на сюжетъ Пушкина, и „Сказку о золотой рыбкѣ" въ прекрасной и интересной сценической постановкѣ и др. Зимою дѣятельность попечительства не прекращается, а переносится, главнымъ образомъ, въ Михайловскій манежъ и, отчасти, на Петровскій островъ. Минувшими праздниками на островѣ былъ воздвигнутъ цѣлый ледяной замокъ, привлекавшій толпы зрителей, но больше всего публика собиралась въ манежѣ, гдѣ за дешевую плату—10 коп.—посѣтителямъ предлагались драматическія пьесы и танцы, на особыхъ эстрадахъ выступали атлеты, гимнасты и клоуны. Нечего и говорить, что водка изгнана изъ буфетовъ, устраиваемыхъ на гуляньяхъ попечительствомъ. Пиво и легкое вино допущены, такъ что отъ посѣтителей не требуется абсолютнаго воздержанія.

Интересную картину представляетъ гулянье. Колоссальный залъ переполненъ народомъ. Здѣсь и офицеры, и нижніе чины, элегантный цилиндръ прохаживается вблизи лихо заломленнаго картуза, скромный, но кокетливо повязанный платочекъ не стѣсненъ сосѣдствомъ шикарной шляпки французскаго издѣлія. Всѣ чувствуютъ себя равными и на своемъ мѣстѣ. Толпа двигается въ волнахъ мягкаго бѣлаго свѣта, разливаемаго большими электрическими фонарями. Около лоттерей съ заманчивыми выигрышами въ видѣ лампъ, вазъ, самоваровъ и другихъ предметовъ домашняго обихода—всегда тѣснится публика. Въ манежѣ нѣсколько буфетовъ—подороже и попроще. Въ народныхъ буфетахъ — недурно, накормятъ и горячимъ блюдомъ за дешевую плату. Особенно много публики собирается въ манежѣ по вечерамъ, когда кончаются дневныя занятія у большинства посѣтителей. Въ залѣ стоитъ тогда гомонъ, покрываемый звуками военныхъ оркестровъ, безъ которыхъ не обходится въ Петербургѣ ни одно публичное увеселеніе.

Ирина Өеодоровна—наша извѣстная рапсодистка.

Недавно мы сообщали о смерти Ирины Өеодоровны, скончавшейся на 85 году своей жизни и приводившей въ восторгъ народъ своими лирическими и эпическими импровизаціями. Ирина Өеодоровна была родомъ изъ Услячей Олонецкой губерніи. Въ этой нашей сѣверной окраинѣ, все еще бѣдной и лишенной путей сообщенія, до сихъ поръ нерѣдки странствующіе пѣвцы, развлекающіе народъ своими воспроизведеніями речитативомъ приключеній сказочныхъ героевъ кіевскаго цикла. Эти бѣдные странники, не умѣющіе ни читать, ни писать, хра-

нять въ своей памяти тысячи и десятки тысячъ стиховъ, но народъ любитъ въ нихъ хранителей старины. Въ простой и доступной формѣ такой рапсодъ разсказываетъ народу объ его происхожденіи, знакомитъ его съ важнѣйшими событіями родного прошлаго, воспѣваетъ героевъ старины, Лазаря, Алексѣя, Іосифа или мучениковъ православной церкви. Среди этихъ народныхъ поэтовъ женщины въ особенности поражаютъ тѣмъ благоговѣніемъ, съ которымъ онѣ, изъ рода въ родъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, передаютъ старинныя поэмы. Въ скорбные же дни похоронъ или въ дни семейныхъ радостей, по случаю родовъ, крестинъ, свадьбы, народъ охотно зоветъ къ себѣ этихъ рапсодовъ.

Свое поэтическое служеніе Ирина Өеодоровна начала съ самой ранней молодости. Вотъ, что она сама разсказываетъ о своемъ прошломъ:

„Мои родители, не будучи богатыми, имѣли, съ чего жить. Мать моя, живая и подвижная, безропотно служила намъ всю жизнь, стряпала, убирала, стирала для семейства изъ 22 душъ. Отецъ отличался крутымъ нравомъ, но это былъ въ сущности добрый человѣкъ. У него были братъ и двѣ сестры. Я же была дѣвочкой способной, вертлявой, что называется, пригодной на всѣ руки. Въ восемь лѣтъ я отлично знала, гдѣ и сколько надо посѣять, умѣла загонять лошадей въ конюшню и задавать имъ корму. Однажды лошадь сшибла меня съ ногъ, и съ тѣхъ поръ я хромаю. Я безграмотна, не умѣю ни читать, ни писать, но отъ природы способна. Все, что приходилось слушать, я крѣпко хранила въ памяти и часто повторяла. Какъ-то, на одной свадьбѣ, не оказалось налицо плакальщицы. Какъ тутъ быть?! — „Ирина!“ — крикнулъ кто-то изъ гостей — „выручи, милая!“ И я заплакала, въ три ручья обливаясь слезами, слезами молодухи, покидающей родное гнѣздо“.

Въ 19 лѣтъ Ирина Өеодоровна вышла замужъ. Послѣ тринадцати лѣтъ счастливой семейной жизни мужъ ея внезапно умеръ; черезъ годъ она снова вышла замужъ.

Въ 1867 году распространилась по всей сѣверной Россіи слава Ирины Өеодоровны, какъ странствующей рапсодистки, приводящей народъ въ восхищеніе своими импровизаціями. Собиратели народныхъ пѣсенъ и мотивовъ, изъ газетъ узнавшіе объ Иринѣ Өеодоровнѣ, пріѣзжали къ ней, въ Олонецкую губернію, и вскорѣ убѣдились, что она знаетъ наизусть болѣе 60,000 стиховъ, лирическихъ, эпическихъ и религіозныхъ. Попытки записывать съ ея словъ не удавались: Ирина Өеодоровна прямо заявляла, что „для господъ“ она пѣть не умѣетъ, что она поетъ „только для мужиковъ“.

Впослѣдствіи, однако, она измѣнила свой взглядъ и согласилась диктовать желавшимъ цѣлыя тысячи стиховъ, которые безъ нея навсегда пропали-бы для родной литературы. (По сложившемуся повѣрью, всякій рапсодъ, усвоившій грамоту, утрачиваетъ память).

Послѣдніе годы своей жизни Ирина Өеодоровна провела въ Петербургѣ, гдѣ она пользовалась широкимъ гостепріимствомъ извѣстнаго знатока нашей старины, покойнаго нынѣ, государственнаго контролера, Т. И. Филиппова.

Короли Луангъ-Пробанга.

Маленькое королевство — Луангъ-Пробангъ, отторгнутое отъ Сіама и недавно присоединенное къ французскимъ владѣніямъ въ Индо-Китаѣ, управляется двумя принцами, носящими оба титулъ короля. Оба они, въ ноябрѣ прошлаго года посѣтили Индо-Китай и были приняты въ Сайгонѣ французскимъ генералъ-губернаторомъ Думеромъ. Повидимому, оба принца, порядочно образованные, искренно преданы новому сюзерену — Франціи и вообще доступны идеямъ прогресса. Старшая дочь одного принца получила воспитаніе въ одной изъ французскихъ школъ, въ Кохинъ-Хинѣ.

Саша — американскій волосяной Геркулесъ.

Этотъ человѣкъ феноменальной силы въ настоящее время привлекаетъ десятки тысячъ жителей въ берлинскій паноптикумъ. „Саша-Геркулесъ“ обладаетъ невѣроятной силой: поднимаетъ на своихъ волосахъ людей, гири, бочки съ водою и другія тяжести. Все это онъ, при помощи крючка, прицѣпляетъ къ своимъ волосамъ и съ легкостью носитъ по сценѣ и по зрительной залѣ. Длина его волосъ равняется одному футу и, разсматриваемые въ микроскопъ, они оказываются не круглыми, какъ обыкновенно, а плоскими, что придаетъ имъ особенную крѣпость. Силу своихъ волосъ Саша-Геркулесъ открылъ совершенно случайно. Однажды, онъ въ Лондонѣ затѣялъ драку съ кельнеромъ, который схватилъ его за волосы; быстрымъ движеніемъ головы Саша вырвалъ послѣднюю съ такой силой, что нападавшій мигомъ полетѣлъ въ другой конецъ комнаты. Съ тѣхъ поръ Саша узналъ свое настоящее призваніе и вскорѣ прославился на всю Америку, куда онъ уѣхалъ въ 1891 году. Замѣтимъ еще, что Саша, которому въ настоящее время 27 лѣтъ, по происхожденію, прусскій нѣмецъ.

Щиты въ англійской арміи.

Изъ множества средствъ для огражденія небольшихъ отрядовъ инфантеріи отъ непріятельскихъ пуль обращаетъ на себя вниманіе воспроизведенный на нашемъ рисункѣ подвижной щитъ. Четыреугольный листъ изъ особеннаго металла устанавливается на трехколесной повозкѣ, которая приводится въ движеніе ногами солдата. Пули, ударяясь о пластинку, очень толстую, массивную и гладко отполированную, отскакиваютъ рикошетомъ. Листы эти получаютъ еще и болѣе широкое примѣненіе, особенно при уборкѣ раненыхъ и убитыхъ и для прикрытія людей, которымъ приходится перерѣзывать проволочныя сѣтки, повсюду разставляемыя бурами. Кромѣ того, ими обшиваютъ внутреннія стѣны желѣзнодорожныхъ вагоновъ, образующихъ, такимъ образомъ, блиндированный поѣздъ.

Д-ръ Лейдсъ,
уполномоченный трансваальской республики въ Европѣ. (Набросокъ съ натуры П. Ренуара).

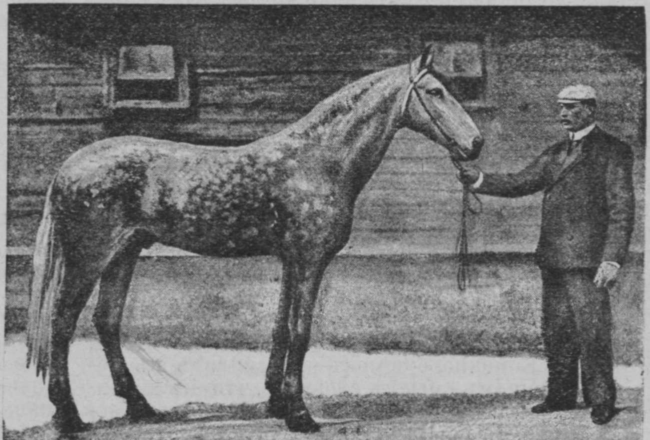
Церковь для велосипедистовъ.

Церковныя власти въ Соединенныхъ Штатахъ давно уже жалуются на то, что съ прогрессомъ волосипеднаго спорта, церкви все меньше посѣщаются. Особенно по воскресеньямъ церкви пустуютъ вслѣдствіе того, что велосипедисты предпочитаютъ прогулки на своихъ стальныхъ коняхъ и на свѣжемъ воздухѣ—богослуженію въ храмѣ. Протестантскій пасторъ Го нашелъ средство обезпечить велосипедистамъ возможность посѣщать церковь по воскресеньямъ и при томъ безъ ущерба для любимаго спорта. На берегу озера Мичиганъ, недалеко отъ Чикаго, имъ сооружена церковь для велосипедистовъ, успѣвшая уже войти въ моду и привлекающая, поэтому, множество молящихся. Во дворѣ церкви имѣется просторное помѣщеніе для стальныхъ коней, воздухокачалки для пневматическихъ шинъ, мастерская для починокъ и спасательная станція. Прохладительныя и освѣжающія напитки предлагаются безплатно велосипедистамъ и велосипедисткамъ въ самой церкви. Пасторъ Го самъ страстный велосипедистъ, и его нерѣдко можно видѣть на каѳедрѣ въ костюмѣ спортсмэна.

Нелли Мельба.

Нелли Мельба, яркой звѣздой сіяющая теперь на музыкальномъ горизонтѣ Берлина, разсказываетъ объ одномъ изъ ея приключеній, которое она считаетъ своимъ лучшимъ воспоминаніемъ. Готовясь выступитъ въ одномъ изъ благотворительныхъ концертовъ въ Парижѣ, она по цѣлымъ днямъ оставалась въ комнатѣ, занятой ею въ гостиницѣ, и упражнялась въ колоратурномъ пѣніи. „Въ мою комнату—разсказываетъ артистка—какъто утромъ вошла одна пожилая дама и со слезами на глазахъ стала упрашивать меня — спасти ея больного любимаго сыночка. — Я не врачъ, сударыня, я только умѣю пѣть—отвѣтила я, почти увѣренная, что неожиданная посѣтительница не совсѣмъ въ здравомъ разсудкѣ.

— Ну да, я именно къ вамъ, какъ къ пѣвицѣ, обращаюсь. Я занимаю комнату рядомъ съ вами, и мой маленькій Пьеръ говоритъ, что когда птичка въ сосѣдней комнатѣ начинаетъ пѣть, ему легче становится; онъ умоляетъ меня достать ему эту птичку.—Нелли Мельба нѣсколько дней подрядъ лечила своего сосѣда колоратурнымъ пѣніемъ, и „маленькій Пьеръ—прибавляетъ она—теперь уже одинъ изъ моихъ взрослыхъ поклонниковъ“.



„Питомецъ“.
Побѣдитель „Большого Петербургскаго“ приза на бѣгахъ 9 января 1900 года.

Нелли Мельба.

„Питомецъ“.

Побѣдитель „Большого Петербургскаго“ приза.

„Питомецъ“ — своего рода знаменитость, хотя и лошадиная. Родился онъ въ 1892 году, въ заводѣ В. А. Остроградскаго, отъ „Привѣтнаго“ и „Жаръ-Птицы“. Мать его носитъ имя сказочной птицы, и, можетъ быть, поэтому, и „Питомецъ“ отличается феноменальною рѣзвостью.

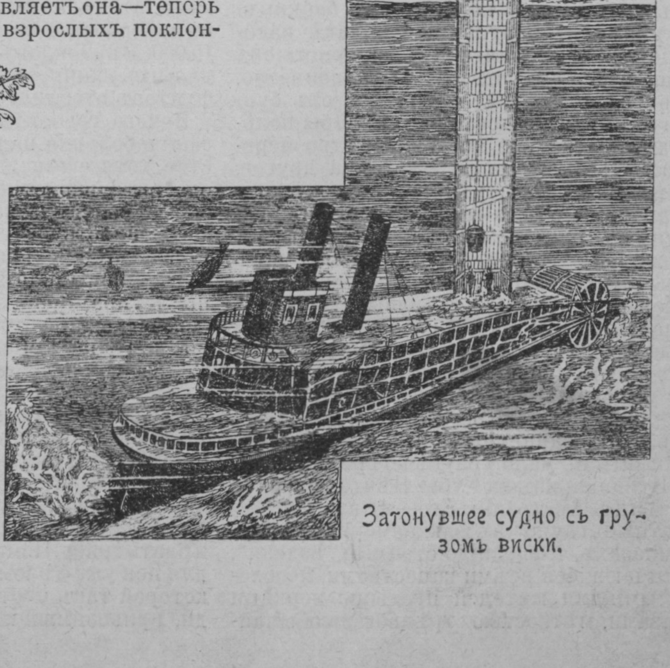
Онъ началъ свою бѣговую карьеру трехъ лѣтъ и до шестилѣтняго возраста особыхъ талантовъ не выказывалъ.

Но уже съ 1898 года „Питомецъ“ началъ показывать, что онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ рысаковъ, и что вся его будущность еще впереди.

Онъ выигралъ слѣдующіе призы: „Юбилейный“, въ память Р. Е. Гринвальда, гитовый въ честь гр. И. И. Воронцова-Дашкова, въ честь вел. кн. Дмитрія Константиновича (въ Москвѣ).

Въ воскресенье, 9 января, „Питомецъ“ участвовалъ въ бѣгѣ на „Большой Петербургскій“ призъ у насъ, на Семенов-

Церковь для велосипедистовъ и пасторъ ея.



Затонувшее судно съ грузомъ виски.

скомъ ипподромѣ. Этотъ призъ существуетъ всего девятый годъ. Дистанція—три версты съ хода. Наилучшую рѣзвость въ этомъ призѣ показалъ въ 1895 году американецъ „Флешъ“ С. Н. Кишинскаго и кн. Л. Д. Вяземскаго, пробѣжавъ три версты съ хода въ 4 м. 50 с. Въ этомъ сезонѣ русскій рысакъ почти повторилъ эти секунды. „Питомецъ“ сдѣлалъ эту дистанцію въ 4 м. 50¾ сек. Владѣлецъ его С. И. Гирня прекрасно на немъ проѣхалъ. Такой бурной оваціи, какая была устроена С. И. Гирнѣ, давно ипподромъ не видалъ, и овація эта была вполнѣ заслуженная, такъ какъ г. Гирня самъ тренируетъ и самъ ѣздитъ на своихъ рысакахъ.

Лучшая рѣзвость „Питомца“ лѣтомъ: на 1½ версты—2 м. 17¼ с., зимою 1½ версты—2 м. 20½ с., 2 версты—3 м. 37¼ с. и 3 версты—4 м. 50¾ с. Зимніе его рекорды еще никѣмъ не побиты, и есть надежда, что онъ самъ ихъ улучшитъ. До сего времени „Питомецъ“ выигралъ свыше 60 тысячъ рублей.

Невѣроятно дорогой напитокъ.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ, на одной изъ рѣкъ, въ штатѣ Мичиганъ, пошелъ ко дну пароходъ съ большимъ грузомъ виски, этого любимаго напитка американцевъ, соотвѣтствующаго нашей водкѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ и, во время производства работъ по улучшенію судоходства на этой рѣкѣ, пришлось провести воды одного изъ ея рукавовъ во вновь сооруженный каналъ. Старое русло постепенно наполнялось пескомъ, и съ теченіемъ времени надъ погрузившимся пароходомъ образовалась песчаная гора, вышиною въ 20 футовъ. Одинъ изъ Вандербильдтовъ, славящійся своимъ богатствомъ и эксцентричностью, захотѣлъ непремѣнно угостить своихъ гостей такой старой водкой, купилъ русло рѣки и велѣлъ провести шахту къ пароходу. Рабочимъ, послѣ большихъ трудовъ, удалось достигнуть трюма и вычерпать драгоцѣнную виски, которой Вандербильдтъ и угощалъ своихъ гостей при встрѣчѣ Новаго года. Неизвѣстно, хорошо-ли сохранился этотъ напитокъ, но несомнѣнно, что по своей дороговизнѣ онъ не имѣетъ себѣ равнаго.

Англійскіе «буры».

Англія прибѣгаетъ къ отчаянному средству. Убѣдившись, что не сломить ей буровъ обыкновенными средствами, что ея войска оказываются непригодными для борьбы съ такимъ подвижнымъ, бойкимъ, неуловимымъ противникомъ, какъ населеніе южно-африканскихъ республикъ, она рѣшила сформировать у себя воинство, которое, ничѣмъ не отличаясь отъ бурскаго, такъ же превосходно умѣло бы пользоваться лошадью, такъ же быстро переходило бы съ одного мѣста на другое, такъ же мѣтко стрѣляло бы во врага, оставаясь въ тоже время совершенно невидимыми,—словомъ, одерживало бы такія же побѣды надъ бурами, какія теперь буры одерживаютъ надъ англичанами.

Новое воинство будетъ называться „роуридерами“, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ буквально: „сырые ѣздоки“, но что лучше всего передать словами: „иррегулярная кавалерія“. Если читатели помнятъ,—„роуридеры“ существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ и оказали имъ не мало услугъ во время войны съ Испаніей изъ-за Кубы. Нѣчто подобное есть и въ Австраліи. Это—то же, что извѣстные „гаучо“ въ южно-американскихъ пампасахъ, т. е. „дикіе степные ѣздоки“, отличающіеся всѣми качествами, необходимыми для жителей пустынь: зоркими глазами, мѣткостью стрѣльбы, необычайнымъ мужествомъ и истинно-индѣйскимъ умѣньемъ пользоваться конемъ.

Какъ и сѣверо американскій ковбой въ своихъ „ранчо“, бушмены живутъ въ своихъ „станціяхъ“, посреди пустынь австралійскаго „кустарника“. Они родились въ сѣдлѣ, сѣдло ихъ колыбель, ихъ домъ, ихъ гробъ. Они сопровождаютъ и оберегаютъ большія стада овецъ и скота. „Станціи“ ихъ окружены проволочными рѣшетками, охватывающими довольно большой районъ. Въ свободное время они отправляются на охоту, но не съ ружьемъ въ рукахъ: ружьями они пользуются только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ боевые запасы—дороги. Кромѣ того, они не любятъ пронизывать пулями шкуру животнаго, потому что въ этомъ случаѣ шкура теряетъ цѣну. Если же иногда они убьютъ животное изъ ружья, то, конечно, одной только пулею, иначе для нихъ „овчинка выдѣлки не стоитъ“. Изъ этого ясно, что австралійскіе „роуридеры“ должны быть превосходными стрѣлками, которымъ не нужно дѣлать второго выстрѣла, чтобы поправить первый.

Главными удовольствіями этихъ дикихъ жителей пустынь является охота на кенгуру, которую они стараются опередить на лошади дикимъ галопомъ и захватить съ помощью петли. Охота эта практикуется ими тѣмъ чаще, что, кромѣ удовольствія, доставляетъ имъ еще нѣкоторый заработокъ. Она даетъ къ тому-же бушмену возможность показать свое искусство и въ верховой ѣздѣ, достигающее крайнихъ предѣловъ совершенства. Бушменъ—центавръ отъ природы. Онъ и его лошадь составляютъ нѣчто единое, такъ какъ у нея настоящій человѣческій разумъ, и по одному слову, по одному даже звуку мчится она туда, куда нужно ѣздоку, который бросаетъ ей поводья на шею. Бушменъ ѣздитъ, какъ артистъ въ циркѣ. Онъ соскакиваетъ съ лошади на полномъ ходу, и ему ничего не стоитъ ежедневно пролетать разстоянія въ сто миль. Какъ и индѣецъ, онъ превосходно разузнаетъ человѣческіе и звѣриные слѣды, и одного взгляда для него достаточно, чтобы замѣтить скрытый слѣдъ. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно напоминаетъ бура и въ Южной Африкѣ будетъ чувствовать себя такъ же дома, какъ и въ своей степи.

Конечно, бушменъ—не солдатъ въ истинномъ смыслѣ слова, но, что онъ англичанамъ принесетъ пользу—ясно само собой. Его быстрая сообразительность, безстрашная ѣзда и надежное ружье—дѣлаютъ его цѣннымъ развѣдчикомъ. Группа „роуридеры“ въ англійскомъ кавалерійскомъ полку сразу подниметъ значеніе послѣдняго и уменьшитъ шансы буровъ. Между тѣмъ, судя по наведеннымъ справкамъ, этихъ ѣздоковъ-головоломовъ можно навербовать теперь въ Австраліи около 10,000. Въ Лондонѣ уже открыта подписка для ихъ экипировки, и собрано уже 15,000 фунтовъ стерлинговъ.

Нечего говорить, что въ Англіи возлагаютъ большія надежды на новое воинство, хотя еще недавно правительство неодобрительно отнеслось къ мысли о вербовкѣ войскъ изъ среды „роуридеровъ“. Увѣренность въ будущихъ побѣдахъ тѣмъ болѣе велика, что какъ и самъ бушменъ,—лошадь его закалена въ постоянныхъ упражненіяхъ и отличается большой выносливостью, а потому чрезвычайно пригодна для службы въ Трансваалѣ. Она довольствуется всякимъ кормомъ и, какъ американскій мустангъ, можетъ жить, питаясь ничтожнымъ количествомъ жесткой травы. Кромѣ того, лошадь австралійскаго бушмена можетъ по цѣлымъ днямъ оставаться безъ воды, не смотря на страшную жару. Въ лагерѣ ей перевязываютъ ноги и даютъ свободно бѣгать и рвать траву. Немного кукурузы служитъ для нея уже дѣломъ роскоши. Лихорадка, которой такъ часто подвергаются лошади, привозимыя изъ Англіи, ея не трогаетъ. Единственный недостатокъ этихъ лошадей—тотъ, что онѣ некрасивы, но онъ искупается ихъ превосходными качествами.

Итакъ, англичане создаютъ своеобразное воинство, которое, обладая тѣми же свойствами, что и буры, должно поднять престижъ англійскаго оружія и повести пріунывшія британскія полчища въ нѣдра Трансвааля и Оранжевой республики. Ближайшее будущее покажетъ, насколько основательны возлагаемые на него надежды.

Древне-египетскія любовныя пѣсни.

Знаменитый германскій ученый--Максъ Мюллеръ, изслѣдователь и знатокъ Востока, издалъ недавно сборникъ староегипетскихъ любовныхъ пѣсенъ, представляющихъ большой интересъ, съ культурно-исторической точки зрѣнія.

Пѣсни эти относятся къ сѣдымъ временамъ доисторическаго періода. Пѣвицы, составившія эти пѣсни, жили 4,000 лѣтъ тому назадъ и даже еще раньше. Содержаніе пѣсенъ—вѣчно человѣческое чувство—любовь, которая такъ же стара, какъ міръ, и никогда, однако, не состарится. Въ предисловіи къ своей книгѣ, Максъ Мюллеръ даетъ общій очеркъ нравовъ и обычаевъ старыхъ египтянъ и ихъ культуры. „Мы, — говоритъ онъ, — знаемъ, что древніе египтяне не были народомъ благочестивыхъ аскетовъ или философовъ, ходившихъ съ опущенными головами. Наоборотъ, они были исполнены жажды жизни и такъ же весело смотрѣли на міръ, какъ и другіе восточные народы. Правда, въ области астрономіи и математики, исторіи и географіи, а также въ области религіознаго міросозерцанія египтяне уступали вавилонянамъ, но зато у нихъ была богатая народная литература — неистощимый кладъ стихотвореній и сказокъ. Еще за 2,000 лѣтъ до Рождества Христова египтяне такъ же забавлялись у себя дома или въ „пивныхъ садахъ“ пѣснями и исторіями, какъ и теперь—магометане-египтяне, которые за кофе или, сидя съ трубкою въ зубахъ, слушаютъ пѣсни и разсказы. Древніе египтяне знали всѣ роды поэзіи. Застольныя и любовныя пѣсни играли въ ихъ ежедневномъ обиходѣ не малую роль. Любовныя пѣсни занимали у нихъ мѣсто рядомъ съ религіозными стихотвореніями, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ любовь знакома даже самому грубому народу, въ которомъ женщина занимаетъ почти такое же положеніе, какъ и животное“.

Что касается положенія женщины у древнихъ египтянъ, то браки тамъ заключались такъ же рано, какъ и у другихъ народовъ Востока. Дѣвушки выходили замужъ въ 12, мужчины женились въ 15 лѣтъ. Само собою разумѣется, что браки устраивались родителями, но разладъ между любовью и домомъ не былъ дѣломъ необыкновеннымъ. Древніе египтяне знали разводъ. Многоженство было также въ ходу и исчезло только въ позднѣйшее время. Въ гаремахъ царила полная свобода, а на улицахъ женщины появлялись съ открытыми лицами. По восточнымъ понятіямъ, женщины пользовались тогда многими преимуществами. Онѣ сидѣли за однимъ столомъ съ мужемъ и даже съ гостями. Удивительно, что древніе египтяне обращались къ своимъ возлюбленнымъ со словомъ „сестра“. Очень можетъ быть, что обычай этотъ основывался на священномъ почитаніи семейной жизни или находился въ связи съ обычаемъ фараоновъ, вступавшихъ въ бракъ со своими сестрами для поддержанія чистоты крови. И во времена римскаго владычества бракъ съ сестрами встрѣчался въ Египтѣ весьма нерѣдко.

Трудно, однако, судить, какое значеніе имѣетъ древне-египетская поэзія для всемірной литературы. Религіозныя и политическія стихотворенія древнихъ египтянъ представляютъ для насъ мало интереса, такъ какъ идеи и воззрѣнія наши въ этихъ областяхъ діаметрально противоположны—воззрѣніямъ и взглядамъ древнихъ египтянъ. Любовная поэзія ихъ рѣдко трогаетъ картинами, къ которымъ прибѣгаютъ древне-египетскіе поэты, но зато мы вполнѣ раздѣляемъ выражаемыя ими чувства. Эти любовныя стихотворенія дышатъ истинной поэзіею; стиль ихъ простъ. Они носятъ характеръ эпиграммъ и весьма остроумны. Больше всего древне-египетскихъ пѣсенъ собрано въ лондонскомъ папирусѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Гарри 500". Папирусъ этотъ состоитъ изъ 6 полныхъ и 2 неполныхъ страницъ. Къ какому времени онъ относится, трудно сказать. По всей вѣроятности, онъ совпадаетъ по времени съ 18 или 19 династіею.

Максъ Мюллеръ приводитъ нѣсколько любовныхъ пѣсенъ въ переводѣ. Одна изъ нихъ озаглавлена: „Во время паломничества", и содержаніе ея слѣдующее:

„Я удалился съ весельниками, чтобы сражаться, по приказу, со своимъ пучкомъ миртовыхъ вѣтокъ на плечѣ; такъ я удалился въ Антъ-Туэ.

„Птаху, богу правды, скажу я: дай мнѣ свою сестру подъ деревьями, уста ея сочатся сладчайшимъ виномъ.

„Птахъ распредѣляетъ твои миртовыя вѣтки, Сохметъ—твои лепестки, жители луговъ—твои лотосовые цвѣты, Неферъ Атумъ—твою лотосовую чашечку.

„Тогда сестра моя обворожительна, земля вновь рождается въ очарованіи твоей прелести, весь Мемфисъ—сосудъ, полный сладкихъ соковъ, когда ты сгибаешь свое колѣно передъ „прекраснымъ лицомъ" (Птахъ).

Слѣдующее стихотвореніе — пастушеское и носитъ названіе: „Приманка птицелова". Содержаніе его—слѣдующее:

„Путь твоей сестры, твоей сердечной возлюбленной, ведетъ насъ въ заросль, о любезный братъ мой.

„То, что ты желаешь, сердце мое исполняетъ. Все принесу я тебѣ, хочу сказать тебѣ: скажи мнѣ; что это совершилось.

„Я прихожу, чтобы ловить птицъ, съ сѣтками въ рукахъ, несу свою клѣтку – и свою ловушку.

„Всѣ птицы Аравіи пролетаютъ надъ лугами Египта,—они пахнутъ миртою,— и крылья ихъ окутаны бальзамомъ.

„Мои желанія летятъ къ тебѣ навстрѣчу, мы исполнимъ ихъ вмѣстѣ, потому что мы теперь наединѣ. Ты должна услышать рѣзкій призывъ моей красивой миртовой птицы, когда будешь около меня. Я положу силки, а ты пойдешь къ заросли, которую онъ любитъ".

А вотъ еще одно стихотвореніе, носящее названіе—„Мольба разочарованной".

„Я обращаю взоры къ внѣшнимъ воротамъ. Смотри, мой братъ ѣдетъ ко мнѣ. Мои глаза устремлены на дорогу, мое ухо прислушивается, чтобы услышать, какъ онъ возьмется за ручку дверей.

„Любовь къ своему брату я сдѣлала единственной задачею моей жизни и я бодрствовала надъ нимъ. Сердце мое никогда не было спокойно.

„Потомъ онъ прислалъ ко мнѣ быстроходнаго гонца. Смотри! Онъ—тамъ и не хочетъ зайдти, чтобы сказать мнѣ:—ты поступила со мною несправедливо".

Нѣкоторые стихи, относящіеся ко времени Клеопатры, заслуживаютъ того, чтобы ихъ привести. Стихотвореніе—„Твой поцѣлуй" состоитъ изъ двухъ стиховъ:

„Когда я цѣлую тебя въ уста, я опьяненъ, и мнѣ не нужно пива".

Въ стихотвореніи: „Кольцо"— четыре стиха:

„Мнѣ хотѣлось бы быть кольцомъ, которое обвивается вокругъ твоего пальца. Тогда ты всегда хранила бы меня, какъ украшеніе своей жизни".

Ничего нѣтъ новаго подъ луною!—вотъ, что можно сказать по поводу обнародованныхъ германскимъ ученымъ древне-египетскихъ пѣсенъ.

Полезенъ-ли для здоровья холодъ?

Для большинства людей нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что холодъ полезенъ для здоровья. При этомъ диллетанты разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: холодъ убиваетъ бактеріи, слѣдовательно, онъ полезенъ.

На самомъ дѣлѣ, наука далеко не такъ ужъ неограниченно принимаетъ это положеніе. Ужъ одно то наводитъ на сомнѣніе, что микробы въ тысячу разъ легче и упорнѣе переносятъ холодъ, чѣмъ человѣкъ. Недавно этимъ вопросомъ занялся директоръ садовъ въ Кью (Kew) сэръ Вилльямъ Сизельтонъ-Дейеръ и пришелъ къ совершенно обратному заключенію. Онъ подвергъ сѣмена растеній дѣйствію страшно низкихъ температуръ, что просто немыслимы въ природѣ. Затѣмъ онъ посадилъ ихъ въ теплую почву, и... они превосходно взошли...

То же самое и съ болѣзнетворными микробами. Съ перваго взгляда опытъ говоритъ скорѣе въ пользу весьма распространеннаго мнѣнія о пользѣ холода, убивающаго бактеріи. Такъ, въ наукѣ прочно установлено положеніе, что въ холодныхъ краяхъ количество и жизнеспособность микробовъ весьма незначительны. Норденшильдъ, напр., утверждаетъ, что въ арктическомъ поясѣ болѣзнетворныхъ бациллъ вовсе не имѣется. На Шпицбергенѣ нѣтъ простуды, хотя температура подвергается такимъ ежедневнымъ измѣненіямъ, что въ умѣренномъ климатѣ возникли-бы весьма серьезныя болѣзни. А онъ провелъ три года въ полярной экспедиціи, выдержалъ двѣ жестокихъ зимы и не имѣлъ у себя на суднѣ ни одного катарральнаго заболѣванія.

Но не въ однѣхъ только полярныхъ странахъ постоянные холода: совершенно то же наблюдается и на высокихъ горахъ, и кто не знаетъ, какъ здоровъ и цѣлебенъ горный воздухъ. Въ холодномъ климатѣ условія для развитія микробовъ такъ неблагопріятны, что если они, а равно и ихъ зародыши, и попадаются тамъ, то все-таки воздухъ совершенно свободенъ отъ нихъ.

Какъ-же дѣло обстоитъ у насъ, гдѣ такъ много благопріятныхъ условій для развитія бактерій?—У насъ опасность состоитъ въ томъ, что на улицѣ мы поглощаемъ массу омертвѣвшихъ отъ холода бациллъ. Но какъ только мы возвращаемся домой, въ теплое помѣщеніе, онѣ оживаютъ, и мы, буквально, откармливаемъ на груди змѣю...

Уменьшается-ли при холодахъ число больныхъ? Врачи отвѣчаютъ на это, что важна не столько температура, сколько влажность воздуха. Холодный воздухъ сухъ, а сухой воздухъ для насъ вреденъ. Повидимому, влажность воздуха особенно сильно вліяетъ на наше тѣло. При влажномъ воздухѣ мы замѣчаемъ самыя незначительныя измѣненія температуры, настолько незначительныя что ихъ не указываетъ даже термометръ. Степень влажности воздуха опредѣляется, главнымъ образомъ, направленіемъ вѣтра, и именно въ зависимости отъ этого и находится то таинственное вліяніе перемѣны погоды, что обращаетъ подчасъ благословенное побережье Средиземнаго моря въ страну гибели для пріѣзжихъ больныхъ. Такъ, 15 октября на Ривѣрѣ въ полдень было 11 gr. воды въ кубич. метрѣ воздуха, а въ полночь только 2,8 gr.

Можно принять за достовѣрное, что воздухъ долженъ содержать не менѣе 5—6 и не болѣе 12—13 gr. При влажности, меньшей 5 gr., смертность растетъ поразительно быстро. Дѣло въ томъ, что отъ этого усиливаются болѣзни дыхательныхъ путей. При превышеніи максимума растетъ заболѣваемость органовъ питанія.

Итакъ, не температура вліяетъ на наше тѣло, а большая или меньшая влажность воздуха, и приписывать зависящія отъ этого измѣненія въ организмѣ—температурѣ—грубая ошибка. Холодъ самъ по себѣ не вреденъ, но и не полезенъ. Въ концѣ-концовъ, все дѣло сводится къ выносливости каждаго отдѣльнаго организма.

Американскія наслѣдницы, какъ предметъ вывоза.

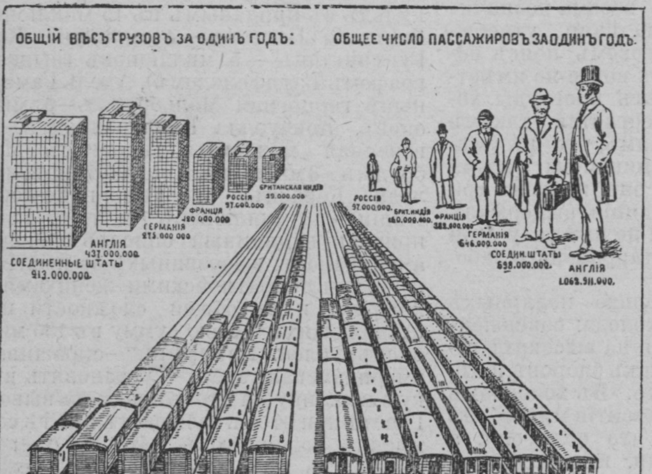
Американскія газеты жалуются на то, что пошлина, взимаемая итальянскимъ правительствомъ съ произведеній искусства, ежегодно вывозимыхъ изъ Америки въ Италію, даетъ огромный доходъ казнѣ, тогда какъ ежегодно Америка теряетъ сотни милліоновъ долларовъ отъ того, что европейскіе аристократы женятся на богатыхъ американкахъ и вмѣстѣ съ красавицами вывозятъ и ихъ наслѣдства. „Есть, отъ чего придти въ отчаяніе,"—восклицаетъ одна американская газета,—„когда задумаешься хотя-бы надъ слѣдующими цифрами: въ короткое время вывезены европейцами изъ Америки: Анна Гульдъ съ приданымъ въ 15 милліоновъ, Виргинія Богланъ — 4 милліона, Клара Гунтингтонъ — 5 милліоновъ (вывезена графомъ Гатцфельдомъ), Адель Гамерли, нынѣ герцогиня Мальбруджъ—6 милліоновъ, Консуэлла Вандербильдтъ, вывезенная молодымъ герцогомъ Мальбруджъ – 3 милліона, Анна Лейтеръ, нынѣ леди Керзонъ, супруга вице-короля Индіи — 13 милліоновъ" и т. д. Газета приводитъ длинный списокъ молодыхъ американокъ, вывезенныхъ за послѣдніе годы аристократическими женихами изъ Америки и въ общей сложности представляющихъ собою сумму въ 130 милліоновъ рублей. „Не пора-ли" –спрашиваетъ американская газета—„установить высокую пошлину на этотъ предметъ вывоза?" Газета при этомъ забываетъ про тѣ сотни тысячъ колонистовъ, которые ежегодно привозятъ въ Америку свои сбереженія и отдаютъ ей свои продуктивныя силы

Человѣческій запахъ.

Извѣстно, что нѣкоторыя животныя, между ними особенно собаки, обладаютъ способностью находить слѣдъ извѣстнаго имъ человѣка, хотя бы имъ невидимаго, или голосъ котораго имъ не слышенъ въ данный моментъ. Отсюда физіологи пришли къ заключенію, что каждому человѣческому существу присущъ извѣстный запахъ. Въ архивѣ физіологическихъ знаній докторъ Беръ сообщаетъ объ одномъ своемъ знакомомъ, обладающемъ способностью узнавать знакомыхъ ему людей по одному только запаху на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Съ закрытыми глазами онъ всегда съ точностью называетъ имена знакомыхъ ему лицъ, едва только тѣ позвонятъ или войдутъ въ прихожую. Докторъ Беръ утверждаетъ, что одинъ и тотъ же запахъ присущъ членамъ одной и той же семьи и притомъ въ различной степени, такъ что при продолжительныхъ сношеніяхъ съ ними не трудно человѣку, съ хорошо развитымъ обоняніемъ, узнавать каждаго на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.

Сравнительная таблица желѣзнодорожнаго движенія на земномъ шарѣ.

На нашемъ первомъ рисункѣ сравнительная длина рельсовыхъ путей въ наиболѣе культурныхъ государствахъ наглядно изображена различной величины локомотивами соотвѣтствующихъ странъ; на второмъ рисункѣ количество грузовъ и пассажировъ, а также количество товарныхъ и пассажирскихъ вагоновъ наглядно изображены соотвѣтствующей величины фигурами, грузами и вагонами.



Англійскіе военные корреспонденты въ Южной Африкѣ.

Изъ двухсотъ военныхъ корреспондентовъ, находящихся въ настоящее время въ Южной Африкѣ, не меньше половины приходится на Англію. Двѣ наиболѣе распространенныя лондонскія газеты—„Times“ и „Daily Mail“ имѣютъ на театрѣ войны по 8 корреспондентовъ. Въ числѣ представителей „Times'a“ находится полковникъ Родсъ, братъ извѣстнаго Сесиля Родса, одного изъ главныхъ виновниковъ войны. Полковникъ Родсъ участвовалъ также въ Суданской экспедиціи и былъ раненъ въ битвѣ подъ Омдурманомъ. Одинъ изъ корреспондентовъ „Daily Mail“,—Стивенсъ, прославившійся во время греко-турецкой войны, находится вмѣстѣ съ другими осажденными въ Леди-Смитѣ. Той же газетѣ „Daily Mail“ доставляетъ изъ Мэфкинга военныя корреспонденціи леди Сара Вильсонъ, младшая сестра лорда Рандольфа Черчиль, тетка герцогини Мальбруджъ. Въ числѣ корреспондентовъ лондонской газеты „Morning Post“ находится ветеранъ франко-прусской войны, Чарльзъ Найдэитъ, сражавшійся, въ качествѣ добровольца, въ рядахъ французовъ и раненный въ сраженіи подъ Бельмонтомъ. Владѣя одной только лѣвой рукой (правую пришлось отнять), онъ, тѣмъ не менѣе, принадлежитъ къ числу самыхъ дѣятельныхъ военныхъ корреспондентовъ.

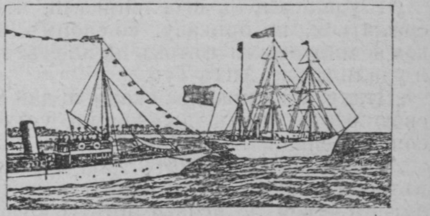
Къ числу наиболѣе извѣстныхъ военныхъ корреспондентовъ относится и Беннетъ Бурлейгъ, представляющій лондонскую газету „Daily Telegraph“ въ главной квартирѣ Буллера. Юношей онъ участвовалъ уже въ различныхъ сраженіяхъ въ Америкѣ, а затѣмъ и въ экспедиціи генерала Уольслея въ Хартумъ. Убѣленный сѣдинами, покрытый слѣдами залеченныхъ ранъ, сэръ Беннетъ изрѣзалъ вдоль и поперекъ сѣверную и южную Африку, Мадагаскаръ, долго жилъ въ Индіи; вообще, это личность почти легендарная. Участвовалъ онъ также въ экспедиціи Китченера, былъ раненъ подъ Омдурманомъ, но это ему не помѣшало снова отправиться на театръ войны, гдѣ онъ уже успѣлъ заявить себя подвигами храбрости.

Говоря о военныхъ корреспондентахъ, слѣдуетъ еще упомянуть о представителѣ журнала—„Лондонская Иллюстрація“ („Illustrated London News“),—о Мельтонѣ Прэнорѣ, снабжающемъ свои корреспонденціи интересными иллюстраціями. Онъ также, какъ и почти всѣ его товарищи, участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ и неоднократно былъ раненъ. Въ 1881 году, во время трансваальской войны, онъ познакомился съ генераломъ Жуберомъ и имѣлъ возможность подробно изучить топографію нынѣшняго театра войны.

Послѣдніе дни оказываются крайне печальны для военныхъ корреспондентовъ на югѣ Африки. Въ Леди-Смитѣ скончались отъ тифа корреспонденты: „Standart“—Митчель, „Daly Mail“—Стивенсъ и „Morning Post“ Ферри.

Возвращеніе бельгійской южно-полярной экспедиціи.

4-го (16) августа 1897 года небольшая группа моряковъ и ученыхъ отправилась изъ Антверпена на бывшемъ норвежскомъ суднѣ — китоловѣ въ путешествіе къ южному полюсу. Смѣлый планъ былъ разработанъ бельгійцами, ими же были добыты и средства для его осуществленія. Судну вслѣдствіе этого присвоила названіе „Belgica“. Во главѣ экспедиціи стоялъ Адріанъ Герлохъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ мореплавателей. Главными помошниками его были бельгійцы — Мелертъ и Жоржъ Лекуэнтъ и норвежецъ Армундсенъ. Научною стороною дѣла руководилъ бельгійскій артиллерійскій офицеръ Данко, польскій ученый Генрихъ Аретовскій, румынецъ Эмилій Роковица и американскій врачъ, докторъ Кукъ. Эта первая бельгійская экспедиція къ южному полюсу въ настоящее время, послѣ 26 мѣсячнаго плаванія, возвратилась въ Антверпенъ, гдѣ ей устроили восторженный пріемъ. Насколько велики ея научныя заслуги—это выяснится еще черезъ нѣкоторое время, но и теперь уже извѣстно, что ей удалось проникнуть гораздо дальше, чѣмъ предшествовавшимъ экспедиціямъ къ тому-же южному полюсу. Въ концѣ января 1898 года судно побывало подъ 71 градусомъ южной широты и 85 градусомъ западной долготы, окруженное льдами. Въ этомъ положеніи оно оставалось до начала января нынѣшняго года, когда ему и удалось прорѣзать каналъ и выйти въ открытое море.



СОБАКИ-КАРЛИКИ.

Два экземпляра собачьей расы, изображенные на нашемъ рисункѣ, очень мало извѣстны въ Европѣ. Это представители той расы карликовъ, которыхъ въ Китаѣ

называютъ „рукавчиками“, потому что они удобно помѣщаются въ отверстіи рукава китайскаго верхняго платья. Изображенная на нашемъ рисункѣ парочка такихъ собачекъ недавно еще составляла собственность императорскаго дворца въ Пекинѣ. Самцу „Пингоръ“ минуло два года; длина его 9 дюймовъ, ростъ 5 дюймовъ, а вѣсу въ немъ 2 фунта. Самка „Пелги“ такихъ-же размѣровъ. Нынѣшнему ихъ собственнику, А. Брандту въ Пекинѣ предлагали за нихъ 4,000 рублей, но онъ предпочелъ не продать ихъ и заняться ихъ дрессировкой.

Редакторъ I. I. Ясинскій. Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., собств. домъ № 25. Издатель С. М. Проппер